

ЛУЦИЙ АПУЛЕЙ

СКАЗКА ОБ
АМУРЕ И
ПСИХЕЕ

Луций Апулей

Сказка об Амуре и Психее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18795523

Аннотация

«Сказка об Амуре и Психее» – новелла древнеримского писателя, поэта, философа и ритора Апулея (лат. Apuleius). ***

Психея готова стать возлюбленной Амура, пока верный помощник Афродиты не называет главное условие их встреч...

Апулей также известен как автор сочинений «Апология», «Флориды», «О божестве Сократа», «О Платоне и его учении» и «О мире».

Апулей – сторонник эллинистического учения Аристотеля и Платона, а также переводчик греческих философских трактатов на латинский язык.

Содержание

Книга четвертая	4
Книга пятая	12
Книга шестая	40

Апулей

Сказка об Амуре и Психее

Книга четвертая

28. Жили в некотором государстве царь с царицею. Было у них три дочери-красавицы, но старшие по годам хотя и были прекрасны на вид, все же можно было поверить, что найдутся у людей достаточные для них похвалы, младшая же девушка такой была красоты чудной, такой неописанной, что и слов-то в человеческом языке, достаточных для описания и прославления ее, не найти. Так что многие из местных граждан и множество иноземцев, которых жадными толпами собирала молва о необычайном зрелище, восхищенные и потрясенные недосыгаемой красой, прикрывали рот своей правою рукою, положив указательный палец на вытянутый большой,¹ словно они самой богине Венере священное творили поклонение. И уже по ближайшим городам и смежным областям пошла молва, что богиня, которую лазурная глубина моря породила и влага пенная волн воздвигла, по своему соизволению являет повсюду милость, вращается в толпе людей, или же заново из нового семени светил небесных не

---

¹ ...прикрывали рот своей правою рукою... – В знак благочестивого восхищения и поклонения древние подносили правую руку к губам и целовали ее.

море, но земля произвела на свет другую Венеру, одаренную цветом девственности.

29. Такое мнение со дня на день безмерно укреплялось, и растущая слава по ближайшим островам, по материкам, по множествам провинций распространялась. Толпы людей, не останавливаясь перед дальностью пути, перед морской пучиной, стекались к знаменитому чуду. Никто не ехал в Пафос, никто не ехал в Книд, даже на самое Киферу для лицезрения богини Венеры никто не ехал;² жертвоприношения стали реже, храмы заброшены, священные подушки раскиданы,³ обряды в пренебрежении, не украшаются гирляндами изображения богов и алтари вдовствуют, покрытые холодной золою. К девушке обращаются с мольбами и под смертными чертами чтят величие столь могущественной богини; когда поутру дева появляется, ей приносят дары и жертвы во имя отсутствующей Венеры, а когда она проходит по площадям, часто толпа ей дорогу усыпает цветами и венками.

Чрезмерное перенесение божеских почестей на смертную девушку сильно воспламенило дух настоящей Венеры, и в нетерпеливом негодовании, потрясая головой, так в волнении она себе говорит:

---

² Пафос – город на острове Кипр; Книд – приморский город в Малой Азии; Кифера – остров у южного побережья Пелопоннеса. В этих местах находились самые знаменитые храмы Афродиты

³ Священные подушки – подушки, на которых расставлялись изображения богов во время особого жертвоприношения, когда статуи богов помещали перед накрытым столом.

30. «Как, древняя мать природы! Как, родоначальница стихий! Как, всего мира родительница,⁴ Венера, я терплю такое обращение, что смертная дева делит со мною царственные почести и имя мое, в небесах утвержденное, оскверняется земною нечистотою? Да неужели я соглашусь делить сомнительные почести со своей заместительницей, принимающей под моим именем искупительные жертвоприношения, и смертная девушка будет носить мой образ? Напрасно, что ли, пастырь пресловутый,⁵ суд и справедливость которого великий подтвердил Юпитер, предпочел меня за несравненную красоту столь прекрасным богиням? Но не на радость себе присвоила та самозванка, кто бы она ни была, мои почести! Устрою я так, что раскается она даже и в самой своей недозволенной красоте!» Сейчас же призывает она к себе сына своего крылатого, крайне дерзкого мальчика,⁶ который, в злонаравии своем общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бегаёт ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно

---

⁴ Эти слова Венеры напоминают слова Изиды (Исиды) о себе (XI, 5), с которой ее отождествлял религиозный синкретизм II в.

⁵ ...пастырь пресловутый... – Парис, сын троянского царя Приама. Рождение его сопровождалось дурными знаменьями, и отец приказал бросить новорожденного на горе Иде, но его подобрал и воспитал пастух. Парис был судьей в знаменитом споре Геры, Афины и Афродиты о том, кто из них прекраснее.

⁶ Крылатый мальчик – сын Венеры Амур (греч. Эрот) изображался юношей или мальчиком с золотыми крылышками, с луком и стрелами, колчаном и иногда с факелом.

совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает. Его, от природной испорченности необузданного, возбуждает она еще и словами, ведет в тот город и Психею⁷ – таково было имя девушки, – воочию ему показывает, рассказывает всю историю о соревновании в красоте; вздыхая, дрожа от негодования, говорит она ему:

31. «Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела твоего сладкими ожогами, отомсти за свою родительницу. Полной мерой воздай и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то единственное, чего мне больше всего хочется: пусть дева эта пламенно влюбится в последнего из смертных, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого».

Сказав так, она долго и крепко целует сына полуоткрытым ртом и идет к близлежащему краю омываемого морем берега; едва ступила она розовыми ступнями на влажную поверхность шумящих волн, как вот уже покоится на тихой глади глубокого моря, и едва только пожелала, как немедля, будто заранее приготовленная, показалась и свита морская: здесь и Нереевы дочери, хором поющие, и Портун со всклоченной синей бородой, и Салация, складки одежды которой полны рыбой,⁸ и маленький возница дельфинов Пале-

---

⁷ Психея – от греческого слова *psyche* – душа.

⁸ Нереевы дочери – nereиды, морские нимфы, дочери Нерея. Портун – римский бог портов и пристаней. Салация – богиня бурного моря.

мон; вот по морю здесь и там прыгают тритоны:⁹ один в звучащую раковину нежно трубит, другой от враждебного солнечного зноя простирает шелковое покрывало, третий к глазам госпожи подносит зеркало, прочие на двухупряжных колесницах плавают. Такая толпа сопровождала Венеру, которая держала путь к Океану.¹⁰

32. Между тем Психея, при всей своей очевидной красоте, никакой прибыли от прекрасной своей наружности не имела. Все любят, все прославляют, но никто не является – ни царь, ни царевич, ни хотя бы кто-нибудь из простого народа, кто бы пожелал просить ее руки. Дивятся на нее, как на божественное явление, но все дивятся, как на искусно сделанную статую. Старшие две сестры, об умеренной красоте которых никакой молвы не распространялось в народе, давно уже были просватаны за женихов из царского рода и заключили уже счастливые браки, а Психея, в девах вдовица, сидя дома, оплакивает пустынное свое одиночество, недомогая телом, с болью в душе, ненавидя свою красоту, хотя она всех людей привлекала. Тогда злополучный отец несчастнейшей

---

⁹ ...возница дельфинов Палемон... – Миф рассказывает, что царь Атамант, которого богиня Гера лишила рассудка, хотел убить свою жену Ино, но та вместе с сыном Меликертом бросилась в море. Оба почитались как морские божества-спасители (Меликерт – под именем Палемона). Возницей дельфинов он назван потому, что труп мальчика, по преданию, был вынесен на берег дельфином. Тритоны – второстепенные морские божества, изображавшиеся в виде полулюдей-полурыб.

¹⁰ ...держала путь к Океану. – По представлениям древних, Океан – огромная река, окружающая весь мир.

девицы, подумав, что это знак небесного неблаговоления, и страшась гнева богов, вопрошает древнейшее прорицалище – милетского бога¹¹ – и просит у великой святыни мольбами и жертвами для обездоленной девы мужа и брака. Аполлон же, хотя и грек и даже иониец,¹² из уважения к составителю милетского рассказа дает прорицание на латинском языке:

33. Царь, на высокий обрыв поставь обреченную деву
И в погребальный наряд к свадьбе ее обряди;
Смертного зятя иметь не надейся, несчастный родитель:
Будет он дик и жесток, словно ужасный дракон.
Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит.
Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся.
Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке.

Услышав ответ святейшего прорицателя, царь, счастливый когда-то, пускается в обратный путь недовольный, печальный и сообщает своей супруге предсказания зловещего жребия. Грустят, плачут, убиваются немало дней. Но ничего не поделаешь, приходится исполнять мрачное веление страшной судьбы. Идут уже приготовления к погребальной свадьбе злосчастнейшей девы, уже пламя факелов чернеет от

---

¹¹ ...милетского бога... – то есть Аполлона, один из оракулов которого находился в селении Дидим близ Милета.

¹² Иониец – житель Ионии, той части побережья Малой Азии, где находились греческие колонии.

копоты и гаснет от пепла, звук мрачной флейты переходит в жалобный лидийский лад,¹³ и веселые гименеи оканчиваются мрачными воплями, а невеста оттирает слезы подвенечной фатой. Весь город сострадает печальной участи удрученного семейства, и по всеобщему согласию тут же издается распоряжение об общественном трауре.

34. Но необходимость подчиниться небесным указаниям призывает бедненькую Психею к уготованной муке. Итак, когда все было приготовлено к торжеству погребального бракосочетания, трогается в путь в сопровождении всего народа, при общей скорби, похоронная процессия без покойника, и заплаканную Психею ведут не как на свадьбу, а как на собственное погребение. И когда удрученные родители, взволнованные такой бедой, медлили совершать нечестивое преступление, сама их дочка такими словами подбодряет их:

«Зачем долгим плачем несчастную старость свою мучаете? Зачем дыхание ваше, которое скорее мне, чем вам, принадлежит, частыми воплями утруждаете? Зачем бесполезными слезами лица, чтимые мною, пятнаете? Зачем темните мой свет в очах ваших? Зачем рвете седины? Зачем грудь, зачем сосцы эти священные поражаете ударами? Вот вам за небывалую красоту мою награда достойная! Поздно опомнились вы, пораженные смертельными ударами нечестивой

---

¹³ Лидийский лад... – Древние греки и римляне различали в музыке несколько тонов, или ладов; о них сам Апулей пишет во «Флоридах» так: «Простота эолийского лада, богатство ионийского, грусть лидийского, благочестие фригийского, воинственность дорийского» (отрывок 4-й).

зависти. Когда народы и страны оказывали нам божеские почести, когда в один голос новой Венерой меня провозглашали, тогда скорбеть, тогда слезы лить, тогда меня, как бы уже погибшую, оплакивать следовало бы. Чую, вижу, одно только название Венеры меня погубило. Ведите меня и ставьте на скалу, к которой приговорил меня рок. Спешу вступить в счастливый этот брак, спешу увидеть благородного супруга моего. Зачем мне медлить, оттягивать приход того, кто рожден всему миру на пагубу?»

35. Сказав так, умолкла дева и твердой уже поступью присоединилась к шествию сопровождавшей ее толпы. Идут к указанному обрыву высокой горы, ставят на самой ее вершине девушку, удаляются, оставив брачные факелы, освещавшие ей дорогу и тут же угасшие от потока слез, и, опустив головы, расходятся все по домам. А несчастные родители ее, удрученные такою бедою, запершись в доме, погруженные во мрак, предали себя вечной ночи. Психею же, боящуюся, трепещущую, плачущую на самой вершине скалы, нежное веяние мягкого Зефира, всколыхнув ей полы и вздув одежду, слегка подымает, спокойным дуновением понемногу со склона высокой скалы уносит и в глубокой долине на лоно цветущего луга, медленно опуская, кладет.

Книга пятая

1. Психея, тихо покоясь на нежном, цветущем лугу, на ложе из росистой травы, отдохнув от такой быстрой перемены в чувствах, сладко уснула. Вдосталь подкрепившись сном, она встала с легкой душой. Видит рощу, большими, высокими деревьями украшенную, видит хрустальные воды источника прозрачного. Как раз в самой середине рощи, рядом со струящимся источником, дворец стоит, не человеческими руками созданный, но божественным искусством. Едва вступишь туда, узнаешь, что перед тобою какого-нибудь бога светлое и милое пристанище. Штучный потолок, искусно сделанный из туи и слоновой кости, поддерживают золотые колонны; все стены выложены чеканным серебром с изображением зверей диких и других животных, словно устремившихся навстречу входящим. О, поистине то был удивительный человек, полубог, конечно, или, вернее, настоящий бог, который с искусством великого художника столько серебра в зверей превратил! Даже пол, составленный из мелких кусочков дорогих камней, образует всякого рода картины. Поистине блаженны, дважды и многократно блаженны те, что ступают по самоцветам и драгоценностям. И прочие части дома, в длину и ширину раскинутого, бесценны по ценности: все стены, отягченные массой золота, сияют таким блеском, что, откажись солнце светить, они сами залили бы дом

дневным светом; каждая комната, каждая галерея, каждая даже створка дверная пламенеет. Прочее убранство не меньше соответствует величию дома, так что поистине можно подумать, будто великий Юпитер создал эти чертоги небесные для общения со смертными.

2. Привлеченная прелестью этих мест, Психея подходит ближе; расхрабрившись немного, переступает порог и вскоре с восхищенным вниманием озирает все подробности прекраснейшего зрелища, осматривая находящиеся по ту сторону дома склады, выстроенные с большим искусством, куда собраны великие сокровища. Нет ничего на земле, чего бы там не было. Но, кроме необычайности стольких богатств, было всего дивнее то, что сокровища целого мира никакой цепью, никаким засовом, никаким стражем не охранялись. Покуда она с величайшим наслаждением смотрела на все это, вдруг доносится до нее какой-то голос, лишенный тела. «Что, говорит, госпожа, дивишься такому богатству? Это все принадлежит тебе. Иди же в спальню, отдохни от усталости на постели; когда захочешь, прикажу купание приготовить. Мы, чьи голоса ты слышишь, твои рабыни, усердно будем прислуживать тебе, и как только приведешь себя в порядок, не замедлит явиться роскошный стол».

3. Психея ощутила блаженство от божественного покровительства и, вняв совету неведомого голоса, сначала сном, а затем купаньем смывает остаток усталости и, увидев тут же подле себя появившийся полукруглый стол, накрытый, как

о том свидетельствовал обеденный прибор, для ее трапезы, охотно возлегает за него. И тотчас вина, подобные нектару, и множество блюд с разнообразными кушаньями подаются, будто гонимые каким-то ветром, а слуг никаких нет. Никого не удалось ей увидеть, лишь слышала, как слова раздавались, и только голоса имела к своим услугам. После обильной трапезы вошел кто-то невидимый и запел, а другой заиграл на кифаре, которой также она не видела. Тут до слуха ее доносятся звуки поющих многих голосов, и, хотя никто из людей не появлялся, ясно было, что это хор.

4. По окончании развлечений, уступая увещаниям сумерек, отходит Психея ко сну. В глубокой ночи какой-то легкий шум долетает до ее ушей. Тут, опасаясь за девство свое в таком уединении, робеет она, и ужасается, и боится какой-либо беды, тем более что она ей неизвестна. Но вошел уже таинственный супруг и вошел на ложе, супругою себе Психею сделал и раньше восхода солнца поспешно удалился. Тотчас же голоса, дожидавшиеся в спальне, окружают заботами потерявшую невинность новобрачную. Так продолжалось долгое время. И по законам природы новизна от частой привычки приобретает для нее приятность, и звук неизвестного голоса служит ей утешением в одиночестве.

Меж тем родители ее старились в неослабевающем горе и унынии, а широко распространившаяся молва достигла старших сестер, которые все узнали и быстро, покинув свои очаги, поспешили, мрачные и печальные, одна за другой, по-

видаться и поговорить со своими родителями.

5. В ту же ночь со своей Психеей так заговорил супруг – ведь только для зрения он был недоступен, но не для осязания и слуха: «Психея, сладчайшая и дорогая супруга моя, жестокая судьба грозит тебе гибельной опасностью, к которой, полагаю я, следует отнестись с особым вниманием. Сестры твои, считающие тебя мертвой и с тревогой ищущие следов твоих, скоро придут на тот утес; если услышишь случайно их жалобы, не отвечай им и не пытайся даже взглянуть на них, иначе причинишь мне жестокую скорбь, а себе верную гибель».

Она кивнула в знак согласия и обещала следовать советам мужа, но, как только он исчез вместе с окончанием ночи, бедняжка весь день провела в слезах и стенаниях, повторяя, что теперь она уж непременно погибнет, накрепко запертая в блаженную темницу, лишённая общения и беседы с людьми, так что даже сестрам своим, о ней скорбящим, никакой помощи оказать не может и даже хоть краткого свидания с ними не дождетя. Не прибегая ни к бане, ни к пище, ни к какому другому подкреплению, горько плача, отходит она ко сну.

6. Не прошло и минуты, как на ложе возлег супруг, появившийся немного раньше обыкновенного, и, обняв ее, еще плачущую, так ее вопрошает: «Это ли обещала ты мне, моя Психея? Чего же мне, твоему супругу, ждать от тебя, на что надеяться? И день и ночь, даже в супружеских объятиях,

продолжается твоя мука. Ну, делай как знаешь, уступи требованиям души, жаждущей гибели. Вспомни только, когда придет запоздалое раскаяние, о серьезных моих увещеваниях».

Тогда она просьбами, угрозами, что иначе она умрет, добилась от мужа согласия на ее желание повидаться с сестрами, умерить их печаль и поговорить с ними. Так уступил супруг просьбам молодой своей жены; больше того, разрешил даже дать им в подарок, что ей захочется, из золотых украшений или драгоценных камней, неоднократно предупреждая при этом и подкрепляя слова свои угрозами, что если она, вняв губительным советам сестер, будет добиваться увидеть своего мужа, то святотатственным любопытством этим она низвергнет себя с вершины счастья и навсегда впредь лишится его объятий. Она поблагодарила мужа и с прояснившимся лицом говорит: «Да лучше мне сто раз умереть, чем лишиться сладчайшего твоего супружества! Ведь кто б ты ни был, я люблю тебя страстно, как душу свою, и с самим Купидоном не сравняю. Но, молю тебя, исполни еще мою просьбу: прикажи слуге твоему Зефиру так же доставить сюда сестер моих, как он доставил меня». – И, запечатлев поцелуй для убеждения, ведя речь нежную, прильнув всем телом для соблазна, прибавляет к этим ласкам: – «Медовенький мой, муженек мой, твоей Психеи нежная душенька!» Силе и власти любовного нашептывания против воли уступил муж и дал обещание, что все исполнит, а как только стал приближаться

свет, исчез из рук супруги.

7. А сестры, расспросив, где находится утес и то место, на котором покинута была Психея, спешат туда и готовы выплакать себе глаза, бьют себя в грудь, так что на частые крики их скалы и камни откликаются ответным звуком. Несчастную сестру свою по имени зовут, пока на пронзительный вопль их причитаний, доносившихся с горы, Психея вне себя, вся дрожа, не выбежала из дому и говорит: «Что вы напрасно себя жалобными воплями убиваете? Вот я здесь, о ком вы скорбите. Прекратите мрачные крики, отрите наконец щеки, мокрые от продолжительных слез, раз в вашей воле обнять ту, которую вы оплакиваете».

Тут, призвав Зефира, передает ему приказание мужа. Сейчас же, явившись на зов, он спокойнейшим дуновением доставляет их безопасным образом. Вот они уже обмениваются взаимными объятиями и торопливыми поцелуями, и слезы, прекратившиеся было, снова текут от радостного счастья. «Но войдите, говорит, с весельем под кров наш, к нашему очагу и утешьте с Психеей вашей скорбные души».

8. Промолвив так, начинает она и несметные богатства золотого дома показывать, и обращает внимание их слуха на великое множество прислуживающих голосов; щедро подкрепляет их силы прекраснейшим купанием и роскошью стола, достойного бессмертных, так что в глубине их душ, досыта насладившихся пышным изобилием поистине небесных богатств, пробуждается зависть. Наконец одна из них

с большой настойчивостью и любопытством принялась расспрашивать, кто же хозяин всех этих божественных вещей, кто такой и чем занимается ее муж? Но Психея, боясь нарушить супружеские наставления, не выдает сокровенной тайны, а наскоро придумывает, что он человек молодой, красивый, щеки которого только что покрылись первым пушком, главным образом занятый охотой по полям и горам; и чтобы при продолжении разговора случайно не нарушить принятого ею решения, нагрузив их золотыми вещами и ожерельями из драгоценных камней, тут же призывает Зефира и передает их ему для доставления обратно.

9. Когда приказание это было без замедления выполнено, добрые сестры по дороге домой, преисполняясь желчью растущей зависти, много и оживленно между собою толковали. Наконец одна из них так начала: «Вот слепая, жестокая и несправедливая судьба! Нравится тебе, чтобы, рожденным от одного и того же отца, одной матери, столь различный жребий выпал нам на долю! Нас, старших как-никак по возрасту, ты предаешь иноземным мужьям в служанки, отторгаешь от родного очага, от самой родины, так что вдали от родителей влачим мы жизнь изгнанниц; она же, самая младшая, последний плод уже утомленного чадородия, владеет такими богатствами и мужем божественным, а сама и пользоваться-то как следует таким изобилием благ не умеет. Ты видела, сестра, сколько в доме находится драгоценностей, какие сверкающие одежды, какие блестящие перлы, сколь-

ко, кроме того, под ногами повсюду разбросано золота. И если к тому же муж ее так красив, как она уверяет, то нет на свете более счастливой женщины. Может быть, как усилится привычка ее божественного мужа, укрепится привязанность, он и ее самое сделает богиней. Клянусь Геркулесом, к тому идет дело! Так она вела себя, так держалась. Да, метит она на небо; богиней держится эта женщина, раз и невидимых служанок имеет, и самими ветрами повелевает. А мне, несчастной, что досталось на долю? Прежде всего муж в отцы мне годится, плешивее тыквы, телосложением тщедушнее любого мальчишки и все в доме держит на замках и запорах».

10. Другая подхватывает: «А мне какого мужа терпеть приходится? Скрюченный, сгорбленный от подагры и по этой причине крайне редко в любви со мной находящийся; большую часть времени растираю его искривленные, затвердевшие, как камень, пальцы и обжигаю эти тонкие руки мои пахучими припарками, грязными тряпками, зловонными пластырями, словно я не законная супруга, а сиделка, для работы нанятая. Видно, что ты, сестра, – я скажу открыто, что чувствую, – переносишь это с полным или даже рабским терпением. Ну, а что касается до меня, так я не могу больше выдержать, что такая блаженная судьба досталась на долю недостойной. Вспомни только, как гордо, как вызывающе вела она себя с нами, самое хвастовство это, неумеренно проявленное, доказывает надменность ее духа; потом от таких несметных богатств скрепя сердце бросила нам крошку

и тотчас, тяготясь нашим присутствием, приказала удалить нас, выдуть, высвистать. Не будь я женщиной, перестань я дышать, если не свергну ее с вершины такого богатства. Если и тебя, что вполне естественно, возмутило это оскорбление, давай обе вместе серьезно посоветуемся и примем решение, что нам делать. Но подарки, которые мы принесли с собою, не будем показывать ни родителям, ни кому другому, также совсем не будем упоминать, что нам известно что-либо о ее спасении. Довольно того, что мы сами видели, чего бы лучше нам не видеть, а не то чтобы нашим родителям и всему народу разглашать о таком ее благополучии. Не могут быть счастливы те, богатство которых никому не ведомо. Она узнает, что не служанки мы ей, а старшие сестры. Теперь же отправимся к супругам и к бедным, но вполне честным очагам нашим; не спеша и тщательно все обдумав, мы более окрепшими вернемся для наказания гордыни».

11. По душе пришелся злодейский план двум злодейкам; итак, спрятав все богатые подарки, выдирая себе волосы и царапая лицо, чего они и заслуживали, притворно возобновляют они плач. Затем, напугав родителей, рана которых снова открылась, полные безумия, быстро отправляются по своим домам, строя преступный, поистине отцеубийственный замысел против невинной своей сестры.

Меж тем неведомый Психее супруг снова убеждает ее в ночных своих беседах: «Видишь ли, какой опасности ты подвергаешься? Судьба издалика начала бой, и если очень креп-

ких ты не примешь мер предосторожности, скоро лицом к лицу с тобой сразится. Коварные девки эти всеми силами готовят против тебя гибельные козни, и главная их цель – уговорить тебя узнать мои черты, которые, как я тебя уже не раз предупреждал, увидевши, не увидишь больше. Итак, если через некоторое время ламии¹⁴ эти негодные, полные злых планов, придут сюда, – а они придут, знаю это, – то не говори им ни слова. Если же, по прирожденной простоте твоей и по нежности душевной, сделать этого ты не сможешь, то по крайней мере не слушай никаких речей про своего мужа и не отвечай на них. Ведь скоро семья наша увеличится, и детское еще чрево твое носит в себе новое дитя для нас – божественное, если молчанием скроешь нашу тайну, если нарушишь секрет – смертное».

12. Психея при вести этой от радости расцвела и, утешенная божественным отпрыском, в ладоши захлопала, и славе будущего плода своего возвеселилась, и почтенному имени матери возрадовалась. В нетерпении считает она, как идут дни и протекают месяцы, дивится непривычному, неведомому грузу и постепенному росту плодоносного чрева от столь кратковременного укола. А те две заразы, две фурии гнуснейшие, дыша змеиным ядом, торопились снова пуститься в плаванье с преступной поспешностью. И снова на краткое время появляющийся супруг убеждает свою Психею: «Вот пришел последний день, крайний случай; враждебный пол

---

¹⁴ Ламии – см. прим. 26.

и кровный враг взялся за оружие, снялся с лагеря, ряды выстроил, сигнал протрубил; уже с обнаженным мечом преступные сестры твои подступают к твоему горлу. Увы, какие бедствия грозят нам. Психея нежнейшая! Пожалей себя, пожалей нас и святою воздержанностью спаси дом, мужа, самое себя и нашего младенца от несчастья нависшей гибели. О, если бы тебе негодных женщин этих, которых после смертоубийственной ненависти к тебе, после попранной кровной связи непозволительно называть сестрами, не пришлось ни слышать, ни видеть, когда они наподобие сирен¹⁵ с высоко-го утеса будут оглашать скалы своими губительными голосами!»

13. Заглушая речь жалобными всхлипываниями, Психея отвечала: «Насколько знаю я, ты имел уже время убедиться в моей верности и неразговорчивости, теперь не меньшее доказательство дам я тебе душевной крепости. Отдай только приказание нашему Зефиру исполнить его обязанность и, в замену отказанного мне лицезрения священного лика твоего, позволь мне хоть с сестрами увидеться. Заклинаю тебя этими благовонными, по обе стороны спадающими кудрями твоими, твоими нежными, округлыми, на мои похожими ланитами, грудью твоей, каким-то таинственным огнем наполненной, – да узнаю я хоть в нашем малютке черты твои! – в

---

¹⁵ Сирены – сказочные девы, завлекавшие своим пением на остров проплывающих мимо моряков, чтобы их погубить. Во времена Апулея их представляли сидящими на утесе, о который разбиваются корабли зачарованных мореплавателей.

ответ на смиренные просьбы и мольбы нетерпеливые доставь мне радость обнять своих сестер и душу верной и преданной тебе Психеи утешь этим счастьем. Ни слова больше не спрошу я о твоём лице, самый мрак ночной мне уже не досаждаёт, так как при мне свет твой». Зачарованный речами этими и сладкими объятиями, супруг её, отерев слезы её своими волосами, обещал ей все исполнить и исчез, предупреждая свет наступающего дня.

14. А чета сестер, связанная заговором, не повидав даже родителей, прямо с кораблей проворно направляется к обрыву и, не дождавшись появления переносившего их ветра, с дерзким безрассудством бросается в глубину. Но Зефир, памятуя царские приказы, принял их, хоть и против воли, на свое лоно и легким дуновением опустил на землю. Они, не мешкая, сейчас же поспешным шагом проникают в дом, обнимают жертву свою, лицемерно прикрываясь именем сестер, и, под радостным выражением храня в себе тайник глубокого скрытого обмана, обращаются к ней со льстивой речью: «Вот, Психея, теперь уже ты не прежняя девочка, сама скоро будешь матерью. Знаешь ли ты, сколько добра ты носишь для нас в этом мешочке? Какой радостью все наше семейство обрадуешь? Для нас-то счастье какое, что будем нянчить это золотое дитячко! Если, как и следует ожидать, ребенок по красоте выйдет в родителей, наверно. Купидона ты на свет произведешь».

15. Так с помощью поддельной нежности они мало-пома-

ду овладевают душою сестры. Как только они отдохнули с дороги на креслах и освежились горячими парами бани, она принялась угощать их в прекраснейшей столовой удивительными совершенными кушаньями и закусками. Велит кифаре играть – звенит, флейте исполнять – звучит, хору выступить – поет. Всеми этими сладчайшими мелодиями невидимые музыканты смягчали души слушателей. Но преступность негодных женщин не успокоилась и от мягкой нежности сладчайшего пения: направляя разговор к заранее обдуманной коварной западне, принимаются они с хитростью расспрашивать, кто ее муж, откуда родом, чем занимается. Она же, по крайней простоте своей забыв, что говорила прошлый раз, заново выдумывает и рассказывает, что муж ее из ближайшей провинции, ведет крупные торговые дела, человек уже средних лет, с редкой проседью. И, не задерживаясь на этом разговоре, снова нагружает их богатыми подарками и передает для отправления ветру.

16. Пока, поднятые спокойным дуновением Зефира, возвращаются они домой, так между собою переговариваются: «Что скажешь, сестрица, о такой чудовищной лжи этой дурочки? То юноша, щеки которого покрыты первым пушком, то человек средних лет, у которого уже пробивается седина. Кто же он такой, что в столь короткий промежуток времени внезапно успел состариться? Не иначе, сестрица, или негодница это все наврала, или мужа в глаза не видела; что бы ни было правдой, прежде всего надо низвергнуть ее с вы-

соты благополучия. Если она не знает лица своего мужа, – значит вышла за какого-нибудь бога¹⁶ и готовится произвести на свет бога. А уж если она (да не случится этого!) прослывет матерью божественного ребенка, я тут же на крепкой петле повешусь. Однако вернемся к родителям нашим и, как начало тех речей, с которыми к Психее обратимся, сплетем подходящую ложь».

17. Так, воспламененные, поговорив надменно с родителями, усталые от бессонно проведенной ночи, ранним утром летят они к утесу и, оттуда с помощью обычного ветра быстро снесенные вниз, выжимают из глаз своих слезы и с такой хитростью начинают свою речь к сестре: «Счастливая, ты сидишь, не беспокоясь о грозящей тебе опасности, блаженная в неведении такой беды, а мы всю ночь напролет, не смыкая глаз, думали о твоих делах и горько скорбим о твоих бедствиях. Мы наверняка узнали и не можем скрыть от тебя, разделяя скорбь и горе твое, что тайным образом спит с тобою по ночам огромный змей, извивающийся множеством петель, шея у которого переполнена вместо крови губительным ядом и пасть разинута, как бездна. Вспомни предсказания пифийского оракула,¹⁷ что провозвестил тебе брак с

---

¹⁶ Если она не знает лица своего мужа, – значит вышла за какого-нибудь бога... – Мифы рассказывают, что, соединяясь со смертными женщинами, боги обыкновенно скрывали свое настоящее обличье.

¹⁷ ...предсказания пифийского оракула. – Оракул, предсказавший судьбу Психеи, назван здесь пифийским потому, что самое знаменитое прорицалище находилось в храме Аполлона Пифийского в Дельфах, и сам Аполлон часто называ-

диким чудовищем. К тому же многие крестьяне, охотники, поблизости охотившиеся, множество окрестных жителей видели, как он под вечер возвращался с пастбища и переправлялся вброд через ближайшую реку.

18. Все уверяют, что недолго он будет откармливать тебя, льстиво угождая кушаньями, но пожрет, отягощенную лучшим из плодов. Теперь тебе представляется выбор: или захочешь послушаться сестер твоих, заботящихся о дорогом твоём спасении, и, избежав гибели, жить с нами в безопасности, или же быть тебе погребенной во внутренностях жесточайшего гада. Если тебе нравится уединение этой деревни, наполненной голосами, или тайные соединения зловонной и опасной любви и объятия змея ядовитого, — дело твое, мы по крайней мере свой долг честных сестер исполнили».

На бедняжку Психею, простую душой и нежненькую, ужас напал от таких зловещих слов: из головы вылетели все наставления супруга, забылись и собственные обещания, и, готовая броситься в бездну несчастий, вся трепеща, покрывшись смертельной бледностью, заикаясь, прерывающимся шепотом начинает она говорить сестрам такие слова:

19. «Вы, дражайшие сестры, как и надо было ожидать, исполняете священный долг ваш, и те, по-видимому, не солгали, кто сообщил вам такие сведения. Ведь я никогда в глаза не видала лица своего мужа, совсем не знаю, каков он; лишь по ночам слышу я голос таинственного супруга, и мне при-

ходится мириться с тем, что при появлении света он обращается в бегство, так что я вполне могу поверить вашим утверждениям, что он некое чудовище. Он сам часто и грозно запрещал мне искать его лицезрения и грозил большим бедствием, если я полюбопытствую увидеть его внешность. Если можете вы предпринять что-нибудь для спасения сестры вашей, находящейся в опасности, теперь же делайте, иначе дальнейшая беззаботность уничтожит благодеяние первоначальной предусмотрительности».

Тогда, подступив через открытые уже ворота к незащищенной душе сестры своей, преступные женщины отбросили всякое прикрытие тайных ухищрений и, обнажив мечи обмана, нападают на пугливое воображение простодушной девочки.

20. Наконец одна из них говорит: «Так как кровные узы заставляют нас ради твоего спасения забывать о всякой опасности, мы укажем тебе средство, давным-давно уже обдуманное нами, которое может служить единственным путем к спасению. Возьми отточенную бритву и, проведя медленно для придания большей остроты по ладони, тайно спрячь ее в постели с той стороны, где ты всегда ложишься; затем хорошую лампу, до краев наполненную маслом, ярким пламенем горящую, прикрой каким-нибудь горшочком; все эти приготовления сделай в величайшем секрете. Затем, когда он извилистыми движениями подымет, как обычно, на ложе, растянется и погрузится в глубокий покой, объятый тяже-

стью первого сна, соскользни с кровати босая, ступая на цыпочках как можно осторожнее, освободи лампу от покрывала слепого мрака, воспользуйся для совершения славного подвига твоего помощью света, высоко воздвиг правую руку с обоюдоострым оружием и сильным ударом голову зловерного змея от туловища отсеки. Не будет тебе недостатка и в нашей помощи: как только убийством его ты спасешь себя, мы поспешим сюда, с нетерпением будем ожидать и, быстро унеся вместе с тобой все это добро, просватаем тебя, принадлежащую к человеческому роду, надлежащим браком за человека».

21. А сами, зажегши столь пламенными речами огонь в сердце сестры, уже совсем пылающим, быстро ее покидают, сильно боясь оказаться даже поблизости от подобных несчастий, и, принесенные, как обычно, дуновением крылатого ветра на утес, поспешно обращаются в бегство и, тотчас сев на корабли, отъезжают.

Между тем Психея, оставшись одна (хотя злые фурии тревожили ее и не давали покоя), волнуется в скорби, подобно бурному морю; и хотя решение принято и душа непреклонна, все же, готовясь протянуть руку к преступлению, она еще колеблется в нерешительности, и противоречивые чувства отвлекают ее от злого дела. Спешит, откладывает; дерзает, трепещет; отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа. Но вечер уже шел к ночи, и Психея в торопливой поспешности дела-

ет приготовления к безбожному преступлению. Вот и ночь пришла, супруг пришел и, предавшись сначала любовному сражению, погрузился в глубокий сон.

22. Тут Психея слабеет телом и душою, но, подчиняясь жестокой судьбе, собирается с силами и, вынув светильник, взяв в руки бритву, решимостью преодолевает женскую робость. Но как только от поднесенного огня осветились тайны постели, видит она нежнейшее и сладчайшее из всех диких зверей чудовище – видит самого пресловутого Купидона, бога прекрасного, прекрасно лежащего, при виде которого даже пламя лампы веселей заиграло и ярче заблестело бритвы святотатственной острие. А сама Психея, уstraшенная таким зрелищем, не владеет собой, покрывается смертельной бледностью и, трепеща, опускается на колени, стараясь спрятать оружие, но – в груди своей; она бы и сделала это, если бы оружие, от страха перед таким злодейством выпущенное из дерзновенных рук, не упало. Изнемогая, потеряв всякую надежду, чем дольше всматривается она в красоту божественного лица, тем больше собирается с духом. Видит она золотую голову с пышными волосами, пропитанными амброзией,¹⁸ окружающие молочную шею и пурпурные щеки, изящно опустившиеся завитки локонов, одни с затылка, другие со лба свешивающиеся, от крайнего лучезарного

---

¹⁸ Амброзия – пища богов; таково содержание этого понятия в древнейшую эпоху. Ко времени Апулея под словом «амброзия» стали понимать напиток, дарующий бессмертие, или благовонную жидкость, которой умащаются боги.

блеска которых сам огонь в светильнике заколебался; за плечами летающего бога росистые перья сверкающим цветком белели, и, хотя крылья находились в покое, кончики нежных и тоненьких перышек трепетными толчками двигались в беспокойстве; остальное тело видит гладким и сияющим, так что Венера могла не раскаиваться, что произвела его на свет. В ногах кровати лежали лук и колчан со стрелами – благодетельное оружие великого бога.

23. Ненасытная, к тому же и любопытная Психея не сводит глаз с мужниного оружия, осматривает и ощупывает его, вынимает из колчана одну стрелу, кончиком пальца пробует острие, но, сделав более сильное движение дрожащим суставом, глубоко колет себя, так что на поверхности кожи выступают капельки алой крови. Так, сама того не зная, Психея воспылала любовью к богу любви. Разгораясь все большей и большей страстью к богу страсти, она, полная вожделения, наклонилась к нему и торопливо начала осыпать его жаркими и долгими поцелуями, боясь, как бы не прервался сон его. Но пока она, таким блаженством упоенная, рассудком своим не владеющая, волнуется, лампа ее, то ли по негоднейшему предательству, то ли по зловредной зависти, то ли и сама пожелав прикоснуться и как бы поцеловать столь блистательное тело, брызгает с конца фитиля горячим маслом на правое плечо богу. Эх ты, лампа, наглая и дерзкая, презренная прислужница любви, ты обожгла бога, который сам господин всяческого огня! А наверное, впервые изобрел тебя ка-

кой-нибудь любовник, чтобы как можно дольше ночью пользоваться предметом своих желаний. Почувствовав ожог, бог вскочил и, увидев запятнанной и нарушенной клятву, быстро освободился от объятий и поцелуев несчастнейшей своей супруги и, не произнеся ни слова, поднялся в воздух.

24. А Психея, как только поднялся он, обеими руками ухватила за правую его ногу – жалкий привесок в высоком взлете, – но наконец, устав долгое время быть висячей спутницей в заоблачных высях, упала на землю. Влюбленный бог не оставляет ее, лежащую на земле, и, взлетев на ближайший кипарис, с высокой верхушки его, глубоко взволнованный, так говорит ей: «Ведь я, простодушнейшая Психея, вопреки повелению матери моей Венеры, приказавшей внушить тебе страсть к самому жалкому, последнему из смертных и обречь тебя убогому браку, сам предпочел прилететь к тебе в качестве возлюбленного. Я знаю, что поступил легкомысленно, но, знаменитый стрелок, я сам себя ранил своим же оружием и сделал тебя своей супругой для того, значит, чтобы ты сочла меня чудовищем и захотела бритвой отрезать мне голову за то, что в ней находятся эти влюбленные в тебя глаза. Я всегда то и дело убеждал тебя остерегаться, всегда дружески уговаривал. Почтенные советницы твои немедленно ответят мне за свою столь гибельную выдумку, тебя же я накажу только моим исчезновением». И, окончив речь эту, на крыльях ввысь устремился.

25. А Психея, распростертая на земле, следя, покуда до-

ступно было взору, за полетом мужа, душу себе надрывает горькими воплями. Когда же все увеличивающееся расстояние скрыло от глаз ее супруга, на крыльях стремительно уносившегося, ринулась она к ближайшей реке и бросилась с берега вниз. Но короткая речка несомненно в честь бога, способного воспламенить даже воду, и из боязни за себя, сейчас же волной своей вынесла ее невредимую на берег, покрытый цветущей зеленью. На береговом гребне случайно сидел деревенский бог Пан, обняв горную богиню Эхо, которую учил он петь на разные голоса; неподалеку от воды на широком пастбище резвились козочки, пощипывая прибрежную травку. Козлиный бог милостиво подзывает к себе измученную, расстроенную Психею и, так как несчастье ее небезызвестно было ему, ласковыми словами успокаивает: «Девушка милая, я деревенский житель, пасу стада, но, благодаря своей глубокой старости, научен долгим опытом. Так вот, если правильно я сужу, – а это именно умные люди и называют даром провиденья, – то неровная, часто колеблющаяся походка, крайняя бледность всего тела, вздохи частые, а главное – заплаканные глаза твои говорят, что от любви чрезмерной ты страдаешь. Послушайся же меня и не старайся вперед погубить себя, снова бросившись в воду или каким-либо другим способом насильственной смерти. Отложи грусть и брось печаль, а лучше обратись с мольбами к Купидону, величайшему из богов, и так как он юноша избалованный и капризный, то постарайся ласковой предупреди-

тельностью расположить его в свою пользу».

26. Ничего не ответив на слова пастушеского бога, только поклонившись спасительному божеству, Психея тронулась в путь. Когда она усталой походкой прошла довольно далеко, уже к вечеру какой-то неизвестной тропинкой достигла она некоего города, где был царем муж одной из ее сестер. Узнав об этом, Психея пожелала сообщить сестре о своем присутствии; как только ввели ее, после взаимных объятий и приветствий, на вопрос о причине ее прибытия она начала таким образом: «Ты помнишь ваш совет, а именно, как вы меня уговаривали, чтобы я чудовище, которое под обманным названием мужа проводило со мною ночи, раньше чем оно пожрет меня бедную своей прожорливой глоткой, поразила обоюдоострой бритвой? Но как только, согласно уговору, при свете лампы взглянула я на его лицо, вижу дивное и совершенное, божественное зрелище – самого сына преславного богини Венеры, самого, повторяю, Купидона, сладким сном объятого. И пока, приведенная в восторг видом такой красоты, смущенная таким обилием наслаждений, я страдала от невозможности вкусить от них, в это время по злейшей случайности пылающая лампа брызнула маслом ему на плечо. Проснувшись тотчас же от этой боли, как только увидел меня с лампой и оружием в руках, говорит: «Ты за столь жестокое преступление уходи немедленно с моего ложа и забирай свои пожитки, я же с сестрой твоей, – тут он назвал твое имя, – торжественным браком сочетаюсь», – и сейчас

же приказал Зефиру, чтобы он выдул меня из его дома».

27. Не успела еще Психея кончить своей речи, как та, воспламенившись порывом безумного вожделения и губительной зависти, обманув мужа тут же придуманной ложью, будто получила какое-то известие о смерти родителей, сейчас же вошла на корабль, прямо направилась к известному обрыву и, хотя дул совсем не тот ветер, все же она, охваченная слепой надеждой, крикнула: «Принимай меня, Купидон, достойную тебя супругу, а ты, Зефир, поддержи свою госпожу!» – и со всего маху бросилась в бездну. Но до места назначения даже в виде тупа она не добралась. Ударяясь о камни скал, члены ее разбились и разлетелись в разные стороны, и она погибла, доставив своими растерзанными внутренностями, как заслуживала этого, легкую добычу для птиц и диких зверей. Так она погибла. Не заставила себя ждать и следующая мстительная кара. Психея, снова пустившись в скитания, дошла до другого города, где, подобно первой, была царицей вторая ее сестра. И эта также поддалась на приманку родной сестры и соперница Психеи поспешила к утесу на преступный брак, но равным образом упала, найдя себе гибель и смерть.

28. Меж тем, пока Психея, занятая поисками Купидона, обходит страны, он сам, страдая от ожога, лежал и стонал в самой спальне у своей матери. Тут чайка, птица белоснежная, что по волнам морским на крыльях плавает, поспешно в недра океана глубокого ныряет. Там, сейчас же представ

перед Венерой, что купалась и плескалась, докладывает ей, что сын ее обжегся, стонет от боли, причиняемой тяжелой раной, лежит – неизвестно, поправится ли, а что у всех народов из уст в уста уже говор и ропот идет и Венеру со всей ее родней поминают недобрым: сынок, мол, на горах любовью занимаясь, а сама она в океане купаясь, от дел своих отстали, а через то ни страсти нет никакой, ни очарования, ни прелести, а все стало неблаговидно, грубо и дико; ни браков супружеских, ни союзов дружеских, ни от детей почтения, но всеобщее позорище и от грязных соединений горечь и отвращение. Так эта болтливая и любопытная птица верещала в Венерины уши, пороча доброе имя ее сына. А Венера, придя в сильный гнев, вдруг восклицает: «Стало быть, у милого сынка моего подруга завелась какая-то! Ну ты, что одна только и служишь мне от души, скажи, как зовут ту, которая благородного и чистого мальчика соблазнила? Может быть, она из породы Нимф,¹⁹ или из числа Ор,²⁰ или из хоровада Муз, или из Граций, моих прислужниц?» Не смолчала говорливая птица и отвечает; «Не знаю, госпожа; думается, что одной девушкой – если память мне не изменяет. Психеей она называется, – крайне он заинтересован». Тут Венера в негодовании громко воскликнула: «Так он на самом деле

---

¹⁹ Нимфы – многочисленные божества в облике юных дев, олицетворяющие силы и явления природы. Они могли быть морскими, речными; были нимфы долин, лугов, деревьев.

²⁰ Оры (Горы) – богини времен года, олицетворение порядка в природе.

любит Психею, соперницу мою по красоте, похитительницу моего имени? Наверное, этот шалопай даже сводней считает меня, так как по моему указанию он узнал эту девушку».

29. Воззвав таким образом, поспешно выплывает она из глубины моря и сейчас же устремляется в золотую свою спальню; найдя там, как ей уже было доложено, больного сына, она прямо с порога завопила во весь голос: «Очень это прилично и достойно и происхождения нашего, и хорошего твоего поведения, что ты, поправши для начала наставления матери твоей, даже госпожи, вместо того чтобы в виде наказания внушить постыдную страсть моей врагине, сам, мальчишка такого возраста, заключаешь ее в свои распутные и преждевременные объятия, думая, что я потерплю своей невесткой ту, которую ненавижу! Или ты считаешь, пустомеля, потаскун противный, что ты один можешь наш род продолжать, а я уже по годам и зачать не могу? Ну так знай же: другого сына рожу, гораздо лучше тебя, или для пущего твоего унижения усыновлю кого-нибудь из рабов и ему передам крылья эти, и факел, и лук, и самые стрелы, и все мое снаряжение, которое я дала тебе не для такого употребления; ведь из имущества твоего отца ничто не было истрачено на это вооружение.

30. Впрочем, с ранних лет ты плохо воспитан – на руку проворен, старших всегда толкал без всякого почтения, самое мать свою, меня, говорю, ты, убийца, каждый день раздеваешь и ранишь частенько, ни во что не ставя, словно вдову

какую-нибудь, не боясь отчима своего,²¹ силача знаменитого и великого вояки. Мало того, ему часто, в ущерб моей связи с ним, взял ты в обычай то и дело девиц поставлять в наложницы. Но уж я заставлю тебя пожалеть об этих проказах, увидишь, как тяжело и горько будет твое супружество! Теперь, после такого издевательства, что мне делать? Куда деваться? Какими способами пройдоху этого образумить? Что же, к враждебной мне воздержанности обратиться, которую я так часто из-за распутства этого мальчишки оскорбляла? Но толковать с этой деревенской, неотесанной женщиной – в ужас меня приводит такая мысль! Однако, откуда бы утешительная месть ни приходила, пренебрегать ею не следует. Именно воздержанность окажется мне всего полезнее, чтобы как можно суровее пустомелю этого наказать, колчан забрать, стрел лишить, лук ослабить, факел угасить, да и само тело его обуздать хорошими средствами. Тогда только и сочту я обиду мою заглаженной, когда она кудри его, сверкающее золото которых вот этими руками я так часто перебирала, обреет, а крылья, что я нектарной влагой из груди своей орошала, обкорнает».

31. Сказавши так, гневно ринулась она вон, но не успокоилась еще желчь Венерина. Навстречу ей попадают Церера с Юноной и, увидя надутое лицо ее, спрашивают, почему красоту сверкающих глаз ее омрачают сдвинутые брови. А

---

²¹ ...отчима своего... – Имеется в виду Марс, возлюбленный Венеры, которого та, забыв о своем законном супруге Вулкане, называет отчимом Амура.

она: «Кстати, отвечает, вы повстречались мне – вы исполните желание моего пылающего сердца. Молю вас, приложите все усилия и найдите мне сбежавшую летунью Психею. От вас, конечно, не укрылись знаменитые происшествия в моем доме, и это натворил тот, кого я не могу больше называть сыном».

На это богини, которым известно было все происшедшее, для успокоения пламенного гнева Венеры так начинают: «А что за преступление, госпожа, совершил твой сын, что ты с таким упорством противишься его счастью и хочешь погубить ту, которую он любит? Что за грех, спрашивается, если он охотно улыбается красивой девушке? Разве ты не знаешь, что он уже взрослый юноша, или ты забыла, сколько ему лет? Или потому, что он выглядит моложе своего возраста, тебе он до сих пор кажется мальчиком? Ты – мать и притом женщина рассудительная, а между тем все время старательно разузнаешь обо всех шалостях своего сына, ставишь ему в вину распущенность, препятствуешь в любовных делах и осуждаешь в прекрасном сыне своем свои же ухищрения и удовольствия. Кто же из богов или из смертных допустит, чтобы ты повсюду сеяла в людях вожделение, если ты из своего дома изгоняешь любовь к любви и накрепко запираешь всеобщий рассадник женских слабостей?» Так они, из страха перед стрелами Купидоновыми, старались любезным покровительством угодить ему, хотя бы и заочно. Но Венера пришла в негодование оттого, что они обращают в шутку

причиненные ей обиды, и, опередив их, быстрыми шагами
направила путь в другую сторону – к морю.

Книга шестая

1. Меж тем Психея, переходя с места на место, днем и ночью с беспокойством ища своего мужа, все сильнее желала если не ласками супруги, то хоть рабскими мольбами смягчить его гнев. И вот, увидев какой-то храм на вершине крутой горы, подумала: «Как знать, может быть, здесь местопребывание моего владыки!» И тотчас направляет она туда свой быстрый шаг, которому надежда и желание вернули утраченное в постоянной усталости проворство. Вот уже, решительно поднявшись по высокому склону, приблизилась она к святилищу. Видит пред собою пшеничные колосья, ворохами наваленные и в венки сплетенные, и колосья²² ячменя. Были там и серпы, и всевозможные орудия жатвы, но все это лежало по разным местам в беспорядке и без призора, как случается, когда работники во время зноя все побросают. Психея все это по отдельности тщательно разобрала и, старательно разделив, разложила как полагается, думая, что не следует ей пренебрегать ни храмом, ни обрядами никого из богов, но у всех их искать милостивого сострадания.

2. За этой внимательной и усердной работой застаёт ее кормилица Церера и издали еще восклицает: «Ах, достойная жалости Психея! Венера в тревожных поисках по всему све-

---

²² Видит пред собою пшеничные колосья... – Психея находится перед храмом Цереры (Деметры), богини – покровительницы земледелия.

ту, неистовствуя, твоих следов ищет, готовит тебе страшную кару, всю божественную силу свою направляет на месть тебе, а ты заботишься тут о моих вещах и ничего больше для своего спасения не предпринимаешь?»

Тут Психея бросилась к ее ногам, орошая их горячими слезами, волосами землю и богинины следы подметает и всевозможными просьбами взывает к ее благосклонности:

«Заклинаю тебя твоей десницей плодоносной, радостными жатвы обрядами, сокровенными тайнами корзин,²³ крылатой колесницей драконов, твоих прислужников, бороздою почвы сицилийской,²⁴ колесницею хищною, землю цепкою,²⁵ к беспросветному браку Прозерпины²⁶ схождением, светлым обретенной дочери возвращением и прочим, что окружено молчанием в святилище Элевсина аттического,²⁷ – окажи помощь душе несчастной Психеи, к твоей защите

---

²³ ...сокровенными тайнами корзин... – В корзинах находились священные предметы. Во время Элевсинских мистерий их показывали посвященным; этот торжественный обряд был важной частью празднества.

²⁴ ...бороздою почвы сицилийской. – По некоторым мифам, дочь Деметры Персефона была похищена богом подземного царства Аидом в Сицилии.

²⁵ ...землю цепкою... – Земля названа здесь цепкой, вероятно, потому, что упорно не выпускала из своих недр увезенную на «хищной колеснице» Персефону.

²⁶ Персефона (Прозерпина) – дочь Деметры и Зевса, похищенная Аидом – богом подземного царства, могла лишь часть года находиться на земле, а в остальное время, как жена Аида, в подземном царстве.

²⁷ Элевсин, Элевсинские мистерии – культ Деметры и Персефоны в аттическом городке Элевсине (поблизости от Афин).

прибегающей. Позволь мне схорониться хоть на несколько деньков в этой гряде колосьев, покуда страшный гнев столь великой богини с течением времени не смягчится или по крайней мере покуда мои силы, ослабленные долгими муками, от спокойной передышки не восстановятся».

3. Церера отвечает: «Слезными мольбами твоими я тронута и хочу помочь тебе, но совсем не намерена вызвать недовольство моей родственницы,²⁸ с которой я связана узами старинной дружбы, и к тому же – женщины доброй. Так что уходи сейчас же из этого помещения и будь довольна, что я не задержала тебя и не взяла под стражу».

Психея, получив, вопреки своим ожиданиям, отказ и удрученная двойной скорбью, снова пускается в путь и видит среди сумеречной рощи в глубокой долине храм, построенный с замечательным искусством; не желая пропускать ни единого, хотя бы и неверного, средства улучшить свою судьбу, наоборот, готовая заслужить милость какого угодно божества, приближается она к святым вратам. Видит и драгоценные приношения, и полотнища с золотыми надписями, развешанные по веткам деревьев и дверным косякам; с изъявлением благодарности значилось в них и имя богини, которой дары посвящались. Тут, отерев прежде всего слезы, она склоняет колени и, охватив руками еще не остывший алтарь, возносит следующую молитву:

---

²⁸ ...недовольство моей родственницы... – Афродита – дочь Деметры, сестра Зевса.

4. «Сестра и супруга Юпитера великого,²⁹ находишься ли ты в древнем святилище Самоса, что славится как единственный свидетель твоего рождения, младенческого крика и раннего детства;³⁰ пребываешь ли ты в блаженном пристанище Карфагена высокого, где чтут тебя, как деву, на льве по небу движущуюся,³¹ или вблизи берегов Инаха, который прославляет уже тебя, как супругу Громовержца и царицу богинь, охраняешь ты славные стены аргосские,³² ты, которую весь Восток чтит как Зигию³³ и везде на западе Луциной³⁴ именуют, – будь мне в моей крайней нужде Юноной-покровительницей и изнемогшую в стольких переживаемых мною мучениях от страха грозящих опасностей освободи! Насколько знаю я, охотно приходишь ты на помощь беременным женщинам, находящимся в опасности».

Когда она взывала таким образом, вдруг предстала ей Юнона во всем величии, приличном столь царственной бо-

---

²⁹ Сестра и супруга Юпитера Великого... – богиня Юнона (Гера).

³⁰ Салос – остров у западного побережья Малой Азии; был, согласно некоторым мифам, местом рождения Геры. На острове находился знаменитый храм богини.

³¹ ...деву, на льве по небу движущуюся... – Верховную богиню Карфагена Тانيت римляне отождествляли с Юноной и почитали под именем Юноны Небесной или Небесной девы.

³² ...стены аргосские... – Аргос в Пелопоннесе – центр культа Геры.

³³ Зигией (Соединительницей) Геру называли потому, что она была покровительницей браков.

³⁴ Луцина – так называли Юнону, приходящую на помощь роженицам. Восток и Запад противопоставляются здесь как страны греческого и латинского языка.

гине, и сейчас же говорит: «Поверь мне, я охотно склонилась бы к твоим просьбам, но противодействовать воле Венеры, моей невестки,³⁵ которую я всегда, как дочь, любила, мне совесть не позволяет. Да, кроме того, и законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам³⁶ без согласия их хозяев, от этого меня удерживают».

5. Устрашенная новым крушением своих надежд, Психея, не будучи в состоянии достигнуть крылатого своего супруга, отложив всякую надежду на спасение, предалась такому ходу мыслей: «Кто же еще может попытаться помочь мне в моих бедствиях, кто может оказать мне поддержку, когда никто из богинь, даже при желании, не в силах принести мне пользы? Куда теперь направлю стопы свои, окруженная со всех сторон западнями, и под чьей кровлей, хотя бы во мраке притаившись, укроюсь я от неотвратимых взоров Венеры великой? Вооружись наконец по-мужски присутствием духа, смело откажись от пустой, ничтожной надежды, добровольно отдай себя в распоряжение своей владычице и, может быть, этой, хотя и запоздалой, покорностью ты смягчишь ее жестокое преследование! Кто знает, может быть и того, кого ты так долго ищешь, ты там найдешь, в материнском доме?»

---

³⁵ ...но противодействовать воле... моей невестки. – Муж Венеры Вулкан (Гефест) – сын Юноны.

³⁶ ...законы, запрещающие покровительствовать чужим беглым рабам... – Принявший под свой кров беглого раба был обязан вернуть его хозяину вместе с собственным рабом такой же ценности и вдобавок уплатить хозяину двадцать золотых.

Итак, готовая покориться, но не надеясь на успех этой попытки, вернее же – к несомненной гибели готовая, она обдумывала, с чего начать свою просительную речь.

6. А Венера, отказавшись от мысли найти ее земными средствами, устремляется на небо. Она приказывает, чтобы приготовили ей колесницу, которую искусный золотых дел мастер Вулкан с изощренным умением перед совершением брака соорудил ей как свадебный подарок. Тонким напильником выровняв, придал он ей красоту, и сама утрата части золота сделала ее еще более драгоценной. Из множества голубок, что ютятся возле покоев владычицы, отделяются две белоснежные пары, в веселом полете поворачивая переливчатые шейки, впрягаются в осыпанную драгоценными камнями упряжь и, приняв госпожу, радостно взлетают. Сопровождая шумным чириканьем богинину колесницу, резвятся воробышки и прочие звонкоголосые пташки, сладко оглашая воздух нежными трелями, возвещают прибытие богини. Облака расступаются, небо открывается перед своею дочерью, вышний эфир с весельем приемлет богиню, и певчая свита великой Венеры ни встречных орлов, ни хищных ястребов не боится.

7. Тут сейчас же она направляется к царским палатам Юпитера и надменным тоном заявляет, что ей необходимо воспользоваться помощью звучноголосого бога Меркурия.³⁷ Не выразили отказа темные брови Юпитера.³⁸ Тут,

---

³⁷ ...звучноголосого бога Меркурия. – Эпитет бога-глашатая, вестника богов

торжествуя, немедленно, в сопровождении Меркурия, Венера опускается с неба и в волнение так говорит: «Братец мой Аркадиец,³⁹ ты ведь знаешь, что никогда Венера, сестра твоя, ничего тайком от Меркурия не предпринимала; небезызвестно тебе также, сколько уже времени не могу я отыскать скрывающуюся от меня служанку. И мне ничего больше не остается, как через твое глашатайство объявить всенародно, что за указание, где она находится, будет выдана награда. Так вот, поспеши с моим поручением, причем подробно перечисли приметы, по которым можно ее узнать, чтобы провинившийся в недозволенном укрывательстве не мог отговариваться незнанием». С этими словами передает она ему лист, где обозначено имя Психеи и прочее, после чего сейчас же удаляется к себе домой.

8. Не замедлил Меркурий послушаться. Обегая все народы, он так провозглашал повсюду, исполняя порученное ему дело: «Если кто-либо вернет из бегов или сможет указать место, где скрывается беглянка, царская дочь, служанка Венеры, по имени Психея, да заявит об этом глашатаю Меркурию за муртийскими метами⁴⁰ и в виде награды за сообщение по-

---

(в греч. миф. – Гермеса).

³⁸ Не выразили отказа темные брови Юпитера. – Юпитер (Зевс) выражает свою волю движением бровей.

³⁹ Аркадиец – Гермес; по преданию, он родился на горе Киллене в Аркадии (местность в центре Пелопоннесского полуострова).

⁴⁰ ...за муртийскими метами... – Между Авентином и Палатином, двумя из семи холмов, на которых расположен Рим, пролегла Муртийская долина, где на-

лучит тот от самой Венеры семь поцелуев сладостных и еще один самый медвяный с ласковым языка прикосновением».

После такого объявления Меркурия желанность подобного вознаграждения побудила всех людей наперебой приняться за поиски. Все это окончательно заставило Психею отбросить всякую медлительность. Она уже приближалась к воротам своей владычицы, как вдруг подбегает Привычка,⁴¹ из числа Венериной челяди, и сейчас же кричит что есть мочи: «Наконец-то служанка негоднейшая, уразумела ты, что есть над тобой госпожа! Неужели по свойственной тебе наглости характера твоего начнешь ты прикидываться, будто тебе неизвестно, каких трудов стоило отыскивать тебя? Но хорошо, что ты ко мне именно в руки попала, словно в самые когти Орка⁴² угодила, так что немедленно понесешь наказание за свою строптивость», – и, смело вцепившись ей в волосы, потащила ее, меж тем как та не оказывала никакого сопротивления.

9. Как только Венера увидела, что Психею привели и поставили пред лицом ее, она разразилась громким хохотом, как человек, доведенный гневом до бешенства, затрясла го-

---

ходился Великий цирк, часто служивший ипподромом (отсюда «меты» – столбы, вокруг которых объезжали колесницы во время скачек). За этим цирком стоял храм Венеры; возле него всегда собирались продажные женщины. По некоторым сведениям, здесь был также храм Меркурия.

⁴¹ Привычка – служанка с двусмысленным именем, которое в оригинале могло означать также любовную связь. Намек на любвеобилие Венеры.

⁴² Орк – римский бог подземного царства, тождественен Плутону у греков.

ловой, принялась чесать правое ухо и говорит: «Наконец-то ты удостоила свекровь посещением! Или, может быть, ты пришла проведать мужа, который мучается от нанесенной тобою раны? Но будь спокойна, я сумею обойтись с тобою, как заслуживает того добрая невестка! – И кричит: – Где тут Забота и Уныние,⁴³ мои служанки?» Им, явившимся на зов, она передала ее на истязание. А те, согласно приказу хозяйки, избив бедняжку Психею плетьюми и предав другим мучениям, снова привели ее пред господские очи. Опять Венера покатила со смеху и говорит:

«Наверное, ты рассчитываешь, что во мне вызовет сострадание зрелище вздутого живота твоего, славное отродье которого собирается осчастливить меня званием бабушки? Действительно, большая для меня честь в самом цвете лет называться бабушкой и слышать, как сына рабыни низкой зовут Венериным внуком. Впрочем, я, глупая, напрасно произношу слово «сын»: брак был неравен,⁴⁴ к тому же, заключенный в загородном помещении, без свидетелей, без согласия отца, он не может считаться действительным,⁴⁵ так что родится от него незаконное дитя, если я вообще позволю тебе доносить его».

---

⁴³ Забота и Уныние – божества, персонифицирующие чувства, которые сопутствуют любви.

⁴⁴ ...брак был неравен... – Психея, рабыня Венеры, вышла замуж за сына богини – Амура.

⁴⁵ Даже если бы Психея и не была рабыней, брак не считался бы действительным, так как был заключен без свидетелей и без согласия родителей.

10. Сказав так, налетает она на ту, по-всякому платьё ей раздирает, за волосы таскает, голову ее трясет и колотит нещадно, затем берет рожь, ячмень, просо, мак, горох, чечевицу, бобы – все это перемешивает и, насыпав в одну большую кучу, говорит: «Думается мне, что такая безобразная рабыня ничем другим не могла любовникам угодить, как усердной службой; хочу и я попытать твое уменье. Разбери эту кучу смешанного зерна и, разложив все как следует, зерно к зерну отдельно, до наступления вечера представь мне свою работу на одобрение». ⁴⁶

Указавши на множество столь разнообразных зерен, сама отправляется на брачный пир. Психея даже руки не протянула к этой беспорядочной и не поддающейся разбору куче, но, удрученная столь жестоким повелением, молчала и не шевелилась. Вдруг какой-то крошечный деревенский муравьишко, знающий, как трудна подобная работа, сжалившись над сожительницей великого бога и возмущившись ненавистью свекрови, принимается бегать туда-сюда, ревностно сзывает тут все сословие окрестных муравьев и спрашивает их: «Сжальтесь, проворные питомцы земли, всех питающей, сжальтесь над молоденькой красавицей, супругой Амура, придите со всей поспешностью ей, в беде находящейся, на помощь». Ринулись одна за другой волны шестиногих существ, со всем усердием по зернышку всю кучу разбирают

---

⁴⁶ Это задание, как и последующие, – распространеннейшие мотивы и в сказках нового времени.

и, отдельно по сортам распределив и разложив, быстро с глаз исчезают.

11. С наступлением ночи прибывает Венера с брачного пира, опьяненная вином, распространяя благоухания, по всему телу увитая гирляндами роз блистающих, и, видя, как тщательно исполнена чудесная работа, восклицает: «Не твоя, негодница, не твоих рук эта работа! Тот это сделал, кому, на его и на твое несчастье, ты понравилась!» И, бросив ей кусок черствого хлеба, пошла спать. Меж тем Купидон, одинокий узник, запертый внутри дома в отдельную комнату, усердно охранялся, отчасти для того, чтобы пылкою ревностью рану себе не разбередил, отчасти чтобы с желанной своей не встретился. Так прошла мрачная ночь для разделенных и под одной крышей разлученных любовников.

Но как только Аврора взошла на колесницу, Венера позвала Психею и обратилась к ней с такими словами: «Видишь вон там рощу, что тянется вдоль берега текущей мимо речки? Кусты на краю ее расположены над соседним источником. Там, пасясь без надзора, бродят откормленные овцы, покрытые золотым руном. Я приказываю тебе немедленно принести мне клочок этой драгоценной шерсти, добыв его каким угодно образом».

12. Психея охотно отправляется не для того, чтобы оказать повиновение, но для того, чтобы, бросившись с берега в реку, обрести успокоение от бед своих. Но вдруг из ре-

ки, сладчайшей музыки кормилица,⁴⁷ легким шелестом ветерка нежного свыше вдохновенная, так вещает тростинка зеленая: «Психея, столько бед испытавшая, не пятнай священных вод этих⁴⁸ несчастною своею смертью и смотри не приближайся в этот час к ужасным овцам: когда палит их солнечный зной, на них обычно нападает дикое бешенство, и они причиняют гибель смертным то острыми рогами, то лбами каменными, а подчас ядовитыми укусами. Когда же после полудня спадет солнечный жар и приятная речная прохлада стадо успокоит, тогда ты можешь спрятаться под тем широчайшим платаном, что черпает себе влагу из той же реки, что и я. И как только утихнет бешенство овец и они вернуться в свое обычное состояние, ты найдешь золотую шерсть, застрявшую повсюду среди переплетенных ветвей, – стоит лишь потрясти листву соседних деревьев».

13. Так наставляла простодушная и милосердная тростинка страдальицу Психею, как избавиться ей от гибели. Она прилежно внимала ее советам, и раскаиваться ей не пришлось: все в точности исполнив, она тайком набирает полную пазуху мягкой золотисто-желтой шерсти и приносит Венере. Однако не вызвало одобрения у госпожи вторичное исполнение вторичного сопряженного с опасностью приказа. Нахмурив брови и злобно улыбнувшись, говорит она:

---

⁴⁷ ...сладчайшей музыки кормилица... – Из тростника делались свирели.

⁴⁸ ...не пятнай священных вод этих... – Воды реки священны потому, что в них обитает нимфа, богиня этой реки.

«Небезызвестен мне и этого подвига распутный свершитель! Но вот я испытаю как следует, вполне ли ты обладаешь присутствием духа и особенным благоразумием. Видишь там высящуюся под высочайшей скалой вершину крутой горы, где из сумрачного источника истекают темные воды? Приблизившись к вместительной, замкнутой со всех сторон котловине, они орошают стигийские болота и рокочущие волны Коцита⁴⁹ питают. Оттуда, из самого истока глубокого родника, зачерпнув ледяной воды, немедленно принесешь ты ее мне в этой скляночке». Сказав так, она с еще более страшными угрозами передает ей бутылочку из граненого хрусталя.

14. А та с усердием, ускорив шаг, устремляется к самой вершине горы, думая, не найдет ли хоть там конца горестной своей жизни. Но, добравшись до мест, прилежащих к указанному хребту, видит она смертельную трудность необъятного этого подвига. Невероятная по своей громадности и безнадежная по недоступной крутизне высоченная скала извергала из каменистых теснин приводящие в ужас родники; выброшенные из жерла наклонного отверстия, они сейчас же сбегали по круче и, скрывшись в выбитом русле узкого канала, неприметно для глаза стекали в соседнюю долину; направо и налево из углублений в утесах выглядывали, вытянув длинные шеи, свирепые драконы, глаза которых обречены были на неусыпное бдение и зрачки вечно глядели на свет. К тому же воды, обладающие даром речи и сами себя охраняя,

---

⁴⁹ Коцит (Кокит) – река в царстве мертвых.

по минуте восклицали: «Назад! Что делаешь? Смотри! Что задумала? Берегись! Беги! Погибнешь!» Окаменела Психея, видя невыполнимость своей задачи, телом была там, но чувствами отсутствовала, и, совершенно подавленная тяжестью безвыходной опасности, была она лишена даже последнего утешения – слез.